

ЛИНГВИСТИКА

МЕДИАДИСКУРС

DOI 10.37386/2305-4077-2024-1-141-151

Н. Е. Петрова¹

*Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина (Нижний Новгород)*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СВЯЗЬ ДЕЙСТВИЯ И ПРИЗНАКА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИЙ ПРИЧАСТИЙ С ИНТЕНСИФИКАТОРОМ *САМЫЙ*)

Цель статьи – характеристика концептуальной связи между действием и качественным признаком в русской языковой картине мира на примере активной модели интенсификации действия «*самый* + причастие». Специфика этой конструкции состоит в том, что сема интенсификации относится к отдельным параметрам действия, обозначаемого причастием. Автор выявляет имплицитные смыслы, выражаемые указанной моделью, и характеризует ее прагматические функции. Источник фактического материала – тексты, представленные в газетном корпусе (центральные СМИ) Национального корпуса русского языка, а также примеры из картотеки автора. Показано, что конструкцию с интенсификатором *самый* образуют все грамматические типы причастий, но тяготеет к ней страдательное причастие настоящего времени.

Ключевые слова: интенсификатор, причастие, аналитический суперлатив, семантика, медиадискурс, качественный признак, действие

N. E. Petrova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod)

CONCEPTUAL CONNECTION BETWEEN ACTION AND ATTRIBUTE IN THE MEDIA DISCOURSE OF THE 21ST CENTURY (USING THE EXAMPLE OF PARTICIPLE CONSTRUCTIONS WITH THE INTENSIFIER *MOST*)

The purpose of the article is to characterize the conceptual connection between an action and a qualitative attribute in the Russian linguistic picture of the world using the example of the active model of action intensification “*most* + participle”. The specificity of this construction is that the seme of intensification refers to individual parameters of the action denoted by the participle. The author reveals the implicit meanings expressed by this model and characterizes its pragmatic functions. The source of factual material is texts presented in the newspaper corpus (central media) of the National Corpus of the Russian Language, as well as examples from the author’s card

¹ Петрова Наталия Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород).

index. It is shown that the construction with the intensifier is formed by all grammatical types of participles, but the passive participle of the present tense gravitates towards it.

Key words: intensifier, participle, analytical superlative, semantics, media discourse, qualitative attribute, action

Введение

Концептуальная связь между действием и качественным признаком в русской языковой картине мира находит отражение во взаимодействии прилагательного и глагола, которое имеет различные манифестации в системе языка и речи. Так, в языке сформировались разнообразные словообразовательные модели, в которых, с одной стороны, действие мотивирует качественный признак (*слышать* → *слышный*, *растворить* → *растворимый*, *изворачиваться* → *изворотливый*, *липнуть* → *липучий*, *переливаться* → *переливчатый*, *пугать* → *пуганый*, *работать* → *работящий* и др), а с другой – качественный признак выступает мотиватором действия (*глухой* → *глушит*, *важный* → *важничать*, *свирепый* → *свирепствовать*, *ветхий* → *ветшать*, *деревянный* → *деревенеть*, *ясный* → *выяснить*, *трудный* → *затруднить*, *круглый* → *округлить*, *высокий* → *повысить*, *слабый* → *расслабить* и др.). В системе частей речи возникли синкретичные грамматические формы, сочетающие значения действия и признака: в области качественных прилагательных это краткие (предикативные) формы; в области глагола – это причастия, а с учетом исторического фактора и формы прошедшего времени.

В речи яркой манифестацией взаимодействия концептов признака и действия являются двунаправленные переходные процессы между отглагольными прилагательными и причастиями. Адъективация причастий является узуальным явлением, широко представленным в текстах, а вот обратные процессы «партиципизации» отглагольных прилагательных носят окказиональный характер, хотя примеры этого явления не единичны. Базой для этих процессов служит наличие в структуре прилагательного глагольной основы и суффиксов, характерных для причастий, в результате чего прилагательное вызывает у носителя языка аналогию с причастием. Для иллюстрации приведем несколько примеров, в том числе из основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), в которых отглагольные прилагательные с суффиксами -ем/-им- управляют формой творительного субъекта, являющейся надежным маркером страдательного причастия (см.: [Русская грамматика, 1980, с. 664]): *Мы недосягаемы канадцами, мы недосягаемы никакой другой командой!* (Т/к Россия 1. 09.02.2014, репортаж с командных соревнований по фигурному катанию во время Олимпийских игр в Сочи); *Быт и нравы необитаемого женицинами острова произвели на Инку неизгладимое впечатление...* (НКРЯ: Ульянова. Инка (2004)); *Разница, хоть и принципиальная, но, увы, практически никем неощутимая* (НКРЯ: Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.07).

Одним из активных в настоящее время речевых процессов, происходящих на базе причастий, является образование конструкций с грамматикализованным словом-интенсификатором *самый*, например: *Самый разбираемый возраст – это 0–2 года.* (Т/к ОТР. 19.03.2015, Правда – об усыновлении детей из детских домов). Мы ставим перед собой задачу показать, что модель «самый + причастие», выражая

значение высокой степени интенсивности отдельного параметра действия, служит знаком качественного признака определяемого предмета. Описание этой конструкции дает представление как о некоторых стилистических особенностях современного медийного дискурса, так и об определенных способах характеристики и оценивания предметов, отражающих особенности мышления современных носителей языка.

Источником фактического материала для данного исследования послужили медиатексты, представленные в газетном корпусе (центральные СМИ) НКРЯ, а также примеры из личной картотеки автора. Выбор медиадискурса обусловлен тем, что в нем наиболее полно отражаются тенденции в развитии русского языка, из него заимствуются речевые образцы, он оказывает сильное влияние на языковые вкусы общества. В ходе исследования использовались методы дискурсивного анализа, структурно-семантического и контекстуального анализа.

Обзор литературы

Категория интенсивности по своей сути антропоцентрична, поскольку выражает «и объективные количественные характеристики объектов, и их субъективно-количественную интерпретацию» [Иванча, 2010, с. 10]. Указание на высокую интенсивность признака способствует выделению особых качеств референта, вследствие чего интенсивность оказывается тесно связанной с такими категориями, как оценка и экспрессивность. Справедливо отмечено, что в основе категорий интенсивности и оценки лежит общий механизм сравнения с неким эталоном или нормой (см. [Самсонова, 2013, с. 118]). Интенсификация признака, т.е. оценка его как выходящего за рамки нормы, может свидетельствовать об эмоционально окрашенном восприятии предмета говорящим, а следовательно – об экспрессивности номинации. Так, характеризуя специфику экспрессивно окрашенных лексических единиц, Н. А. Лукьянова отмечает, что в их семантике «в разных комбинациях, "сочетаниях" представлены *интенсивность, эмотивность* или *эмотивная оценка и образность*» [Лукьянова, 2009, с. 214].

Категория интенсивности, относящаяся к числу функционально-семантических, имеет разноуровневые средства выражения, среди которых особенно выделяются адъективные и адвербиальные интенсификаторы (см., например: [Иванча, 2010; Лю Фанфан, 2020; Нгуен Мань Хай, 2018]); глаголы, содержащие сему высокой или сниженной интенсивности действия или состояния; словообразовательные аффиксы (см., например: [Дамянова, Маринова, 2015]). Для современной языковой личности в целом характерно стремление к выражению интенсивности чувствования, в связи с чем отмечается тенденция к расширению класса лексических интенсификаторов за счет семантической деривации (см.: [Сандакова, 2022]), росту активности словообразовательных моделей интенсификации, в частности – редупликации (см.: [Коряковцева, Рацибурская, Сандакова, 2021, с. 8–12]).

Продолжает оставаться актуальным объектом исследования и морфологическая категория степеней сравнения, составляющая грамматическое ядро функционально-семантической категории интенсивности. Особый акцент делается на образовании нестандартных форм суперлатива от относительных прилагательных,

например: *самые летние скидки* в значении ‘самый большие, самые выгодные’ [Мельникова, 2015, с. 26] (см. также: [Сунь Сяоли, 2021, с. 56; Лю Фанфан, 2021]). Наш материал имеет непосредственное отношение к проблеме нестандартных форм суперлатива. Модель типа *самый продаваемый* так же асистемна, как и суперлатив относительного прилагательного, и так же, как последний, служит имплицитным указанием на определенное качество предмета.

Разнообразные модели употребления слова *самый* в роли интенсификатора рассматриваются в [Сунь Сяоли, 2021]. Анализируя сочетания слова *самый* с качественными и относительными прилагательными, существительными и эквивалентами существительных из области наречий, отдельных глагольных форм (типа *по самое не балуй*), междометий, Сунь Сяоли выделяет такие функции данного слова, как подчеркивание, усиление, полнота, оценка, обобщение [Там же, с. 58]. Модель «*самый* + причастие» не рассматривается в цитируемой статье, так что наш материал позволяет уточнить и расширить общую картину функционирования интенсификатора *самый*.

Результаты исследования

Конструкция «*самый* + причастие» строится по образцу аналитического суперлатива прилагательного (более подробно о грамматическом механизме образования этой формы см.: [Петрова, 2019, с. 43–53]). Следует сразу отметить, что образование аналитического суперлатива вполне закономерно для адъективированных причастий, в семантике которых возоблададо указание на качественный признак, так или иначе связанный с действием, например: *Ранее сообщалось, что рейтинг самых пьющих американских штатов возглавила Северная Дакота, 24, 7% взрослых жителей которой употребляют алкогольные напитки чрезмерно* (НКРЯ: Известия. 2018.05); «*Это самый опухший глаз, который я когда-либо видел*», — *отреагировал еще один* (НКРЯ: Lenta.ru. 2019.08).

Мы же рассмотрим образование «суперлатива» от таких причастий, которые сохранили глагольные признаки времени и залога и потому обладают отчетливой семантикой действия. Особенностью таких конструкций, по сравнению с суперлативом прилагательного, является наличие смысловых приращений, поскольку операции сравнения подвергается не действие как таковое, а определенный параметр этого действия: частота, количество субъектов действия, интенсивность усилий субъектов действия, реже – способность предмета подвергаться действию. В общем виде смысловые приращения, характерные для указанной модели, можно представить следующим образом.

1. Указание на максимальную степень частоты (повторяемости) действия и/или на максимальное количество субъектов этого действия: *Названы самые проверяемые на допинг российские спортсмены* (НКРЯ: Lenta.ru. 2021); *Спутник V назван самым экспортируемым товаром за всю историю России* (НКРЯ: Lenta.ru./news. 2022.16.10); *А следующий триумф сделает Хэмилтона самым побеждающим гонщиком в истории Формулы-1* (НКРЯ: Vesti.ru. 2020.09); *Ленин – самый публиковавшийся автор в истории человечества, с ко-*

торым могут конкурировать разве апостолы-евангелисты и пророк Магомед (НКРЯ: Парламентская газета, 2020.04); *Вертолёт, который называют самым воюющим в мире...* (Т/к Звезда. 28.04. 2018, Новости дня).

2. Указание на максимальное количество усилий (физических, эмоциональных, волевых), направленных на результативность действия: *На пике пандемии в апреле на дистанционный формат перешли более 90 % специалистов, что потребовало усиления контроля безопасности для сотрудников с доступом к самой защищаемой информации...* (НКРЯ: Ведомости. 2021.02); *В Казани поймали самого разыскиваемого преступника в России, известного как Поволжский маньяк* (НКРЯ: Lenta.ru. 2020.12); *До этого господин Кадыров ни разу не входил в топ-10 самых зарабатывающих глав регионов* (НКРЯ: Коммерсант. 2020.08); *Каннский фестиваль в самом разгаре: показаны первые картины, в том числе одна из самых ожидавшихся на Круазетт — «Изгнание» режиссера Андрея Звягинцева...* (НКРЯ: Комсомольская правда. 21.05.2007).

3. Указание на максимальную степень вознаграждения: *Британская писательница, наиболее известная как автор серии романов о Гарри Поттере, возглавила рейтинг самых оплачиваемых писателей в 2019 году по версии Forbes* (НКРЯ: Gazeta.ru. 21.12.2019); *Минтруд также составил список самых оплачиваемых профессий в РФ* (НКРЯ: Парламентская газета. 2017.10.20); *Сотрудники агентства «Восход» в 2010 году стали самыми награждаемыми рекламщиками России* (НКРЯ: Lenta.ru. 14.02.2012).

4. Указание на максимальную степень способности предмета подвергаться действию сочетается с **семой** интенсивной частоты действия: *«Упражнениями можно вылечить что угодно, это самое окупающееся вложение в вашей жизни», – заявила Им* (НКРЯ: Lenta.ru. 2020.10); *Насколько я себе представляю эту ситуацию, это одна из самых манипулируемых сред информационных, какие только себе можно представить* (С. Михеев – о телеграм-канале // Железная логика. 21.09. 2020).

Указание на способность предмета испытывать определенное действие формируется на основе модальной семы возможного действия в значении причастий *окупающееся* и *манипулируемых*. Появлению данной семы способствует форма настоящего времени причастий и лексическое значение глагольной основы. Уточним, что значение потенциальной возможности характерно для отглагольных прилагательных, а также служит показателем адъективации причастия, поскольку разрывает связь действия со временем. В приведенных же примерах мы не усматриваем адъективации, поскольку формы *окупающееся*, *манипулируемых* сохраняют значение действия, происходящего с высокой степенью частоты. Таким образом, контекст *самое окупающееся вложение* интерпретируется как 'вложение, которое способно окупиться и окупается с максимальной частотой'; а контекст *одна из самых манипулируемых сред* – как 'телеграм-канал более всех других сред способен быть объектом манипулирования, именно здесь чаще всего происходят манипуляции'.

Приведем еще интересный пример, когда в семантике конструкции «*самый* + причастие» может сочетаться несколько смысловых наращений: *Александр Зубков. Самый возвратившийся спортсмен недели. Российский бобслеист, объявивший после Олимпийских игр в Ванкувере об уходе из большого спорта, изменил свое решение. Зубков намерен продолжить выступления за сборную России* (НКРЯ: Труд-7. 2010.10). В данном примере смысловые наращения отступают от намеченного нами стандарта. В общем контексте высказывания выражение *самый возвратившийся спортсмен* можно интерпретировать как ‘спортсмен, возвращение которого было самым неожиданным’ и ‘спортсмен, возвращение которого произвело наибольший эффект’. Таким образом, смысловые наращения в форме этого суперлатива – ‘указание на максимальную степень неожиданности действия’ и ‘указание на максимальную степень произведенного действием эффекта’.

Еще раз подчеркнем, что образованию аналитического «суперлатива» причастия не препятствует вполне определенная семантика действия, которую могут актуализировать такие яркие глагольные маркеры, как творительный субъекта у страдательных причастий и прямой объект у переходных действительных причастий: *В рейтинге самых посещаемых туристами мест она опережает Петергоф, Казанский кремль, Троице-Сергиеву лавру и озеро Байкал* (НКРЯ: Парламентская газета. 2021.10); *Андрей Мозелев стал самым тестируемым РУСАДА фигуристом в январе 2023 года* (M.sport.ru. 19.02. 2023); *Мюллер и Шелленберг – два самых вызывающих симпатию фашиста в фильме* (НКРЯ: Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)); – *Самый поразивший меня персонаж – это Михаил Минаев* (НКРЯ: Новая газета. 07.05.2018).

Вовлекаются в аналитический суперлатив и действительные причастия прошедшего времени несовершенного вида: – *Самый напрашивавшийся вариант – назвать дивизионы в честь легендарных хоккеистов и тренеров, как в КХЛ* (НКРЯ: Советский спорт. 2010.09). *Мой личный (и сугубо субъективный) хит-парад этих самых отклеивавшихся в течение 2005 года усов я вам сейчас и представлю* (НКРЯ: Комсомольская правда. 30.12.2005); *В первую волну коронавируса Греция была в числе самых успешно борющихся с эпидемией коронавируса стран из-за следования властей советам экспертов и солидарности народа* (НКРЯ: Lenta.ru. 31.10.2020). Мы обращаем особое внимание на эту разновидность причастий, поскольку она не способна выражать перфектное значение, поэтому почти всегда сохраняет связь с категорией времени и процессуальностью.

Таким образом, нельзя говорить, что образование конструкции с интенсификатором *самый* происходит вследствие адъективации причастия, но концептуальная связь действия и признака здесь наличествует. Прагматическим значением указанных конструкций является указание на такие внутренние качественные признаки предмета, которые и обуславливают самые интенсивные параметры того или иного действия. Так, если возраст ребенка от 0 до 2-х лет назван *самым разбираемым*, это значит, что данный возраст считается наиболее удобным или пригодным для усыновления и последующего воспитания ребенка как своего

родного. Эти качества не вербализованы, они в имплицатуре высказывания, но говорящий рассчитывает, что адресат текста уловит скрытый смысл.

Модель «самый + причастие» давно функционирует в русскоязычной коммуникации, о чем свидетельствует хотя бы следующая цитата: «*Наша Армия, – говорил тов. Ворошилов в своей речи на параде в день XX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, – существует не для нападения, но только до момента нападения врага на нашу Родину. Она будет **самой нападающей** из всех когда-либо нападавших армий, если враг ее понудит к этому*» (НКРЯ: Литературная газета. 10.11.1937). Однако в XXI веке этот способ номинации признака предмета стал особенно востребованным. Аналитический «суперлатив» причастия встречается в разных сферах коммуникации: медийной, научной и даже разговорной. Особенно активны в этой конструкции страдательные причастия настоящего времени, что объясняется фактором прагматики.

Интенсификация признака может использоваться как средство повышения значимости предмета и «псевдоаргументации» позиции автора (см.: [Радченко, 2012]). В этом плане форма страдательного причастия предоставляет особенно большие возможности, поскольку обозначает действие, направленное на предмет извне. В медийном дискурсе действия, обозначаемые страдательными причастиями, часто являются реакцией на предмет со стороны определенных социальных групп или населения в целом, что позволяет судить о ценности, значимости предмета в глазах общества, о степени интереса к нему. Такой подход к оценке людей и предметов особенно характерен для современного социума, живущего в условиях глобального информационного пространства. Приведем некоторые наблюдения, иллюстрирующие нашу мысль.

В газетном корпусе НКРЯ мы обнаружили 6627 (цифра на момент написания статьи) употреблений страдательных причастий настоящего времени с интенсификатором *самый* (без учета употреблений адъективированных форм *любимый, уважаемый, узнаваемый*). Внутри этого кластера мы расположили конструкции с *самый* по степени убывания количества употреблений: *самый продаваемый* – 1846 уп.; *самый обсуждаемый* – 1004 уп.; *самый посещаемый* – 921 уп.; *самый ожидаемый* – 904 уп.; *самый разыскиваемый* – 719 уп.; *самый цитируемый* – 334 уп.; *самый читаемый* – 235 уп.; *самый охраняемый* – 159 уп.; *самый упоминаемый* – 143 уп.; *самый просматриваемый* – 135 уп.; *самый угоняемый* – 128 уп.; *самый издаваемый* – 49 уп.; *самый оплачиваемый* – 30 уп.; *самый награждаемый* – 10 уп.); *самый публикуемый* – 8 уп.

Конструкции *самый обсуждаемый, самый ожидаемый, самый упоминаемый, самый цитируемый, самый просматриваемый, самый читаемый, самый посещаемый* отражают степень известности лица или предмета, степень интереса к нему со стороны общества (всего 3676 примеров). Признак предмета, непосредственно мотивирующий этот интерес, остается неназванным, однако он имплицитно и остается в сознании адресата текста как некое положительное, ценностное качество (ср.: *самый обсуждаемый вид спорта, самый упоминаемый бизнесмен, самый просматриваемый контент* и под.).

Конструкции *самый продаваемый* (товары, препараты, бренды, украшения, модели автомобилей и др.), *самый угоняемый* (о машинах) отражают другой аспект отношения к предмету – с точки зрения владения им. В газетном корпусе НКРЯ 1974 примера с этими конструкциями, причем первая является «чемпионом» по популярности у журналистов. В имплицатуре таких конструкций – положительные товарные качества предметов-референтов. Тексты с этими суперлативами в полной мере можно отнести к скрытой рекламе.

Конструкция *самый разыскиваемый* (719 примеров) отражает степень негативного интереса общества к лицу, которое совершило преступления. Обычно эта конструкция сочетается со словами *преступник, террорист, наркобарон, мафия*, с номинациями членов военизированных организаций. В примерах данной группы «суперлатив» *самый разыскиваемый* имплицитно оценивает референта, но его прагматическая цель – стимулировать интерес к этому референту и, как следствие, к информационному материалу о нем. Семантическую близость к указанному «суперлативу» проявляет конструкция *самый охраняемый* (159 примеров), потому что субъектом действия и в том и в другом случае являются специальные органы государства, предприятия или компании.

Конструкции *самый издаваемый, самый публикуемый* представлены в газетном корпусе НКРЯ 57 примерами. Для них типичными являются контексты с существительными *автор, писатель, текст, книга*. Данные конструкции прежде всего подразумевают признак ‘популярный’ и сопряженные с ним ‘востребованный’, ‘авторитетный’, а также имплицитно оценивают автора и его книги.

Конструкции *самый оплачиваемый* и *самый награждаемый* представлены 40 примерами. Эти конструкции сочетаются с номинациями лиц по роду занятий и с обобщенными номинациями самих занятий: *актер, актриса, артист, музыкант, звезда, модель, супермодель, тренер, игрок, сотрудник, специалист, работа, профессия, услуги, предложение* (работы). Нетрудно заметить, что семантика большинства личных существительных связана с публичными видами деятельности: шоу-бизнесом, искусством, спортом. В сочетании с такими номинациями конструкция *самый оплачиваемый* имплицитно подразумевает признаки ‘такой, кому платят много денег за труд, богатый’, а также сопряженный с ним смысл ‘высокий профессионализм’. В сочетаниях с номинациями *сотрудник, специалист, профессия, работа* и под. подразумевается добавочный смысл ‘востребованный, престижный’, например: *Сервис Работа.ру представил октябрьский рейтинг самых оплачиваемых предложений в Москве* (НКРЯ: Lenta.ru. 05.10.2020). Конструкция *самый награждаемый* порождает имплицитно ‘высокий профессионализм’: *Сотрудники агентства «Восход» в 2010 году стали самыми награждаемыми рекламщиками России* (НКРЯ: Lenta.ru. 14.02.2012).

Таким образом, обе конструкции, *самый оплачиваемый* и *самый награждаемый*, в контексте приобретают оценочную семантику, причем по умолчанию эта оценочность положительная. Если говорящему нужно выразить не-

гативную оценку рода деятельности или лица, связанного с ней, то он должен эксплицировать сему низкой оплаты, например: *Готовность украинцев браться за самую плохо оплачиваемую работу в Европе уже и без того обострило ситуацию с безработицей во всем континенте...* (НКРЯ: РИА Новости. 25.05.2014).

Заключение

Подведем итоги. Проведенное исследование показывает, что конструкция «самый + причастие» активно функционирует в современной речи. Чаще всего такую конструкцию образуют страдательные причастия настоящего времени, однако в нашем материале представлены формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени, в том числе прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, что свидетельствует о широких грамматических рамках данной модели. Было показано, что контексты с определителем «самый + причастие» через указание на интенсивность определенных параметров действия имплицитно указывают на такие качественные признаки предмета, которые важны для его характеристики и формирования определенного, в том числе оценочного, восприятия этого предмета. Прагматическим преимуществом указанной модели является то, что она позволяет автору текста ненавязчиво сообщить информацию об этих признаках и, таким образом, придать характеристике видимую объективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дамянова, Х.** Функционально-семантическая категория интенсивности в русском и болгарском языках / Х. Дамянова, Н. Маринова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – 2015. – № 9. – С. 85–103.
2. **Иванча, А. В.** Прилагательные со значением интенсивности в русском языке / А. В. Иванча // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10. – № 4. – С. 9–11.
3. **Коряковцева, Е. И.** Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI века: словообразовательный и семантический аспекты / Е. И. Коряковцева, Л. В. Рацибурская, М. В. Сандакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20. – № 5. – С. 6–19.
4. **Лукьянова, Н. А.** Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии / Н. А. Лукьянова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2009. – № 1(9). – С. 211–215.
5. **Мельникова, Е. М.** Развитие форм степеней сравнения у относительных прилагательных в современной речи / Е. М. Мельникова // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского» / Под ред. М. Ю. Егорова. – 2015. – С. 23–31.
6. **Национальный корпус русского языка** (корпус «Газетные: центральные СМИ»). – URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (07.12. 2023).

7. **Петрова, Н. Е.** Динамика формы и значения в зоне девербативов с формантами -ем(ый)/ -им(ый)/ Н. Е. Петрова// Динамические явления в русском языке и русской речи: монография/ О. А. Пацюкова, Н. Е. Петрова, Е. Н. Широкова. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2019. – С. 8–82.

8. **Радченко, И. И.** Категория интенсивности как средство манипулятивного речевого воздействия в текстах печатных СМИ/ И. И. Радченко// Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 3(71). – С. 124–128.

9. **Русская грамматика:** в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; [редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1980. – 788 с.

10. **Самсонова, Ю. А.** О соотношении категорий оценки и градуальности в современном русском языке/ Ю. А. Самсонова// Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. I (Гуманитарные науки). – № 3. – С. 118–122.

11. **Сандакова, М. В.** Динамика класса интенсификаторов в русском языке XXI века: синтагматическое расширение/ М. В. Сандакова// Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2022. – № 7. – С. 329–334.

12. **Сунь, Сяоли.** Самый как слово-интенсификатор в современном русском языке: модели употребления/ Сяоли Сунь// Мир русского слова. – 2021. – № 2. – С. 53–60.

13. **Фанфан, Лю.** Прилагательные с суффиксами -ейш-/-айш- в русском языке: системный статус и функционирование/ Лю Фанфан// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 1088–1092.

14. **Фанфан, Лю.** Отсубстантивные суффиксальные прилагательные с семантикой интенсивности в русском языке: системно-функциональный подход/ Лю Фанфан, В. А. Косова// Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162. – Кн. 5. – С. 33–47.

REFERENCES

1. **Damyanova, N.** Funkcional'no-semanticheskaya kategoriya intensivnosti v russkom i bolgarskom yazykah/ N. Damyanova, N. Marinova// Problemy kognitivnogo i funkcional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov. – 2015. – № 9. – S. 85–103.

2. **Ivancha, A. V.** Prilagatel'nye so znacheniem intensivnosti v russkom yazyke/ A. V. Ivancha// Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2010. – Т. 10. – № 4. – S. 9–11.

3. **Koryakovceva, E. I.** Dinamika ocenochnyh intensifikatorov v russkom yazyke XXI veka: slovoobrazovatel'nyj i semanticheskij aspekty/ E. I. Koryakovceva, L. V. Raciburskaya, M. V. Sandakova// Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. – 2021. – Т. 20. – № 5. – S. 6–19.

4. **Luk'yanova, N. A.** Diskussionnye momenty interpretacii ekspressivnosti kak kategorii leksikologii/ N. A. Luk'yanova// Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. – 2009. – № 1(9). – S. 211–215.

5. **Mel'nikova, E. M.** Razvitie form stepenej sravneniya u odnositel'nyh prilagatel'nyh v sovremennoj rechi/ E. M. Mel'nikova// Kul'tura. Literatura. Yazyk. Materialy konferencii «Chteniya Ushinskogo»/ Pod red. M. Yu. Egorova. – 2015. – S. 23–31.

6. **Nacional'nyj korpus russkogo yazyka** (korpus «Gazetny'e: central'ny'e SMI»). – URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (07.12.2023).

7. **Petrova, N. E.** Dinamika formy i znacheniya v zone deverbativov s formantami -em(yj)/ -im(yj)/ N. E. Petrova// Dinamicheskie yavleniya v russkom yazyke i russkoj rechi: monografiya/ O. A. Pacyukova, N. E. Petrova, E. N. Shirokova. – N. Novgorod: Mininskij universitet, 2019. – S. 8–82.

8. **Radchenko, I. I.** Kategoriya intensivnosti kak sredstvo manipulyativnogo rechevogo vozdejstviya v tekstah pechatnyh SMI/ I. I. Radchenko// Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2012. – № 3(71). – S. 124–128.

9. **Russkaya grammatika:** v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya; [redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr.]. – Moskva: Nauka, 1980. – 788 s.

10. **Samsonova, Yu. A.** O sootnoshenii kategorij ocenki i gradual'nosti v sovremennom russkom yazyke/ Yu. A. Samsonova// Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – T. I (Gumanitarnye nauki). – № 3. – S. 118–122.

11. **Sandakova, M. V.** Dinamika klassa intensivikatorov v russkom yazyke XXI veka: sintagmatischeskoe rasshirenie/ M. V. Sandakova// Dinamika yazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. – 2022. – № 7. – S. 329–334.

12. **Sun', Syaoli.** Samyj kak slovo-intensifikator v sovremennom russkom yazyke: modeli upotrebleniya/ Syaoli Sun'// Mir russkogo slova. – 2021. – № 2. – S. 53–60.

13. **Fanfan, Lyu.** Prilagatel'nye s suffiksami -ejsh-/-ajsh- v russkom yazyke: sistemnyj status i funkcionirovanie/ Lyu Fanfan// Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. T. 14. – Vyp. 4. – S. 1088–1092.

14. **Fanfan, Lyu.** Otsubstantivnye suffiksalye prilagatel'nye s semantikoj intensivnosti v russkom yazyke: sistemno-funktional'nyj podhod/ Lyu Fanfan, V. A. Kosova// Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki. – 2020. – T. 162. – Kn. 5. – S. 33–47.